

Собственное имя как реликт древней культуры

Juozas JURKĖNAS

Lietuvos edukologijos universitetas

Filologijos fakultetas

Rusų filologijos ir tarpkultūrinės komunikacijos katedra

Studentų g. 39, LT-08106 Vilnius

rusfil@leu.lt

The Proper Name as a Relic of old Culture

Summary

The main method of research the history of language is comparison. In onomastic study proper names must be compared with proper names. The geographical distribution of similar units within a particular region - is one of the main criteria for evaluating their own nature. When comparing the proper name with the appellative vocabulary words should be submitted as a structured set of inter-related meanings, i.e. must acknowledge embodiments semantic content within a family genetically related words. In addition, the etymology of proper name should be attempt to decipher the cultural and historical (= mythological) reasons that caused the

formation respective units. The paper presents an analysis of proper names containing in the structure basis Gail-. Prospective etymon – indo-European root *ghei-«sparkle, shine» > balt. - slav. - germ. *ghoilo-«the same» (suffixed with the formation of regular apophony of the vowel in the root of the word). As a kind of argument in the article are presented two series of proper names which are based on the semantic units of “light”, “shine”: *dei(H)- / *di(H)- and *leuk- (: *louk- / *luk-).

Keywords: *onomastic, proper name, appellative, etymology, etymon, apophony.*

Santrauka

Pagrindinis kalbos istorijos tyrimo metodas yra lyginimas. Onomastikoje tikriniai vardai turi būti lyginami pirmiausia su tikriniais vardais. Analogiškų vardų išplitimo geografija – tai vienas iš pagrindinių jų vertinimo kriterijų. Lyginant tikrinius vardus su apeliatyvais, reikia turėti galvoje visą šių žodžių reikšmių kompleksą, t.y. semantikos variantus visoje giminiškų žodžių grupėje. Be to, kalbant apie tikrinio vardo etimologiją reikia nepamiršti kultūrinio-istorinio (= mitologinio) šių žodžių aspekto.

Straipsnyje pateikiama tikrinių vardų, turinčių sandą Gail-, analizė. Tikėtina, kad šio komponento etmonu galima laikyti ide. šaknį *ghei- „spindėti“ > baltų – slavų – germanų *ghoilo- „t.p.“ (sufikso *-lo- vedinys su dėsninga šaknies balsio apofonija). Kaip tokios etimologijos argumentas straipsnyje pateikiamos dar dvi tikrinių vardų grupės, kurių kamienų pradinė ir pagrindinė reikšmė „spindėjimas, šviesa“. Turime omenyje vardus, turinčius šaknį *dei(H)- / *di(H)- ir *leuk- (: *louk- / *luk-).

Esminiai žodžiai: *onomastika, tikrinis vardas, apeliatyvas, etimologija, etimonas, apofonija.*

Собственные имена – это знаки языка, которые в результате длительного использования становятся своего рода реликтами, свидетельствующими о древней культуре. Возникновение любого слова и его жизнь представляет собой очень сложный процесс. Не менее сложными следует считать историю появления и пути развития таких слов, как собственные имена. Однако в процессе исследования этимологии собственных имен используется главным обра-

зом лишь один элементарнейший прием – поиск и перечисление сходных по своей форме основ в языке носителя имени, т.е. сравнение фактов совершенно разных эпох. Поэтому «нигде, пожалуй, народная этимология не получила такого широкого распространения, как в истолковании собственных имен. Многие топонимы отличаются исключительной древностью. Одни из них уже давно утратили этимологические связи в языке, другие этих связей никогда и не имели, так как

они были заимствованы из других языков. Но стремление как-то объяснить эти непонятные названия часто приводило к появлению самых нелепых «этимологий» (Откупщиков, 1986, 162).

Для того чтобы разгадать тайну возникновения и исторического развития собственного имени, необходимо привлечение дополнительных материалов и использование других более эффективных приемов. Следует вспомнить мысль, сформулированную в свое время А. Мейе: сравнение – это по существу единственный инструмент построения языковой истории (Общее языкознание, 1973, 12). **Но собственные имена прежде всего должны сравниваться с собственными именами. И только тогда, когда будут представлены собственные имена того же ряда и определено их географическое распределение, будем иметь право искать соответствия в апеллятивной лексике.** Аналогичное решение принималось и некоторыми другими лингвистами, объектом наблюдения которых было достаточно большое количество собственных имен соответствующего региона или определенной группы родственных языков. Правда, до сих пор такое сравнение имело место главным образом в рамках одной группы собственных имен. К. Буга поставил вопрос о таком исследовании названий рек и озер (Būga, 1961 III, 510). Немецкий лингвист Х. Краэ делает вывод о том, что на территории, которую занимают или когда-то занимали германские, кельтские (с венетским), иллирийские и балтийские племена распространены аналогичные, общие по форме и по характеру своего происхождения так называемые «древнеевропейские» гидронимы (Krahe, 1954, 49–64). Это практически представляет собой результат сравнения гидронимии европейского региона. А. Фик при анализе древней антропонимии индоевропейских языков говорит о том, что здесь до мельчайших подробностей совпадают не только принципы образования, но мы можем также определить набор слов, которые в праиндоевропейском языке использовались в процессе порождения древних антропонимов. На этом основании А. Фик выделяет и некоторые группы: а) общеиндоевропейские личные имена (Namengruppen der indogermanischen Grundsprache), б) имена древней Европы (europäische Namengruppen), антропонимы, общие для германских и славянских языков и т. д. (Fick, 1874: СХСII – ССХIX). Если сравнить разновидность древних личных имен, которую А. Фик назвал именами древней Европы (europäische Namengruppen), и постулируемое

Х. Краэ множество «древнеевропейских» гидронимов, то придется говорить о том, что это два варианта того же онимического явления.

Некоторые лингвисты обратили внимание и на тот факт, что аналогичные единицы наблюдаются в разных группах собственных имен. Так, например, К. Буга пишет, что этноним *bartas* может быть и антропонимом *Bartho*, и ойконимом *Barten* 1333, *Barthen* 1507, *Bartkaym*. Эти имена могут быть того же происхождения, как и куршский гидроним *Bártuva* = лтш. *Bārtava* (Būga, 1961 III, 118). З. Зинкявичюс говорит о том, что довольно часто сам антропоним превращается в гидроним, который персонифицирует объект. Такой перенос собственного имени из одного разряда в другой могли совершать только люди, которые поклонялись явлениям природы, т.е. люди, сознание которых еще было под влиянием дохристианского мировоззрения (Zinkevičius, 2008, 350).

На наш взгляд, **наличие аналогичных по своей форме собственных имен в разных частях европейского континента, пересечение разных онимических рядов – это показатель архаичности соответствующих единиц.**

Известный лингвист-компаративист О. Семереньи писал: «При сравнении предпочтение всегда следует отдавать форме. Если две формы точно или согласно определенным правилам соответствуют друг другу, то данный факт оказывается сильнее чем некоторые расхождения в значении» (Семереньи, 1980, 31). Такая постановка вопроса представляется рациональной прежде всего в ономастическом исследовании. Именно в онимии идентичные по своей форме единицы довольно часто могут интерпретироваться как собственные имена, содержащие в своем составе единый корень, обусловленный сложным процессом развития и взаимодействия разных апеллятивных и проприальных лексем (ср. Складенко, 2012, 223–224).

При сравнении собственных имен с апеллятивной лексикой **слова должны быть представлены во всем комплексе их значений**, т.е. необходимо иметь в виду варианты их семантики в рамках целого гнезда генетически родственных слов, особенности развития семантического содержания слова в родственных языках. Кроме того, этимология собственного имени предполагает попытку дешифровки историко-культурного (= мифологического) аспекта, который послужил причиной онимизации соответствующей единицы.

В качестве примера использования соответствующих исследовательских приемов предлагаем анализ собственных имен, содержащих в своем составе компонент **Gail-**.

GAİL- . **Гидронимы:** лит. *Gail-ėšius, Gail-upys* реки, *Gáiliekas, Gáilintas* озера, др.-прусс. *Gailen, Geile*, ятв. *Gajlik, Gajlek, Gojle, Gaylis* (Vanagas, 1981, 103).

Антропонимы: лит. *Gáila, Gáilis, Gáilius, Gail-iūnas, Bu-gáila, Bū-gáila, Dár-gailas, Jogáila, Kari-gáila, Mañ-gailas, Mañti-gailas, Mingáila, Nor-gáila, Rim-gáila, Sir-gailas, Skir-gáila, Son-gáila, Sù-gailas, Sur-gáilis, Švitri-gáila, Vīngailas, Vai-gailas, Vỹ-gailas, Vir-gailas, Vis-gailas, Žad-gailas* (LPŽ, 1985, 196, 608; Zinkevičius, 2008, 87–88), др.-прусс. *Gayle, Gaylne, Gaylicke, Gailine, Gaylne, Gayle-manne, Gayle-minne, Eygayle, Claws-gail, Mynne-gayle, Ny-gayl, Waygail, Wy-gail, Wys-gail* (Trautmann, 1925, 136); лтш. *Gayle, Gailis, Gaylune, Geile* (Blese, 1929, 176, 285); герм. *Gailo. Geilo. Kailo, Goyla. Gailanus. Geila-mir. Gail-rada. Gail-rat. Geil-sindis. Geil-wib. Geilaris* (вандал) (Förstemann, 1856, 458 – 460; Schönfeld, 1965, 105); кельт. *Gailonius, Gailonia* (Holder, 1896 I, 1513); фрак. Βοῦρ-γεῖλος, Γων-καῖλα (Detschew, 1957, 101, 238); иллир. *Gailonius* (Krahe, 1929, 146); белор. *Гайла, Гайлит, Гайлеу, Гайлуи, Гоўла* (Гурская, 2008, 355, 358), сербохорв. *Zelo-drag* (Svoboda, 1964, 98).

Ойконимы: лит. *Gáiliai, Gailáiciai, Gailióniai, Gailiškiai, Gailiūnai, Gailiūšiai, Gailiūtiškis, Bargailiai, Skirgailai, Visgailiai* (Žinynas, 1976, 27, 75, 280, 348); польск. *Zielomyśl* (Svoboda, 1964, 98); *Gaïldorf, Geilenkirchen* (Германия) (PV, 2006, 136–139).

Самое большое количество образований с компонентом **Gail-** в своем составе обнаруживается на территории, где говорят или когда-то говорили на балтийских языках. Следовательно, балтийский ареал можно считать своего рода эпицентром, откуда постепенно затухающей волной тянутся частицы данного онимического явления. Второе место по количеству образований, содержащих основу **Gail-**, занимает германская онимия.

К. Буга писал, что основа собственных имен **Gail-**, по-видимому, обусловлена единицами гнезда родственных слов типа лит. *gailėti* «жалеть», *gaila* «жаль», *gailūs* «едкий, острый, терпкий, горький» = слав. *zělъ* «heftig» = д.-в.-н. *geil* «резвый, шаловливый; пышный, буйный» (*ausgellassen, mutwillig, üppig*) (Būga, 1958, 248). В словаре литовских фамилий сохраняется то

же толкование, но допускается возможность связи с литовским апеллятивом *gailas* «сильный». З. Зинкявичюс пишет, что этимолоном антропоосновы **Gail-** следует считать лит. *gailas* «сильный, мощный», а не *gailėti*, как нередко это делается (Zinkevičius, 2008, 88). Лексемой, породившей балтийские гидронимы, содержащие в своем составе основу **Gail-**, обычно считается др.-прусс. *gaylis* «белый» (Vanagas, 1981, 103). Примечательным представляется тот факт, что попытки определения характера соответствующих славянских и германских антропонимов сводятся к единицам того же этимологического гнезда (кроме указанных выше, сюда относятся др.-чешк. *zielo* «очень», лтш. *gails* «сладострастный», гот. *gailjan* «радовать» и т.д.) (Kaufmann, 1968, 131; Schönfeld, 1965, 105; Svoboda, 1964, 98).

На наш взгляд, здесь необходимо обратить внимание на тот существенный факт, что лексемы данного гнезда порождены и.-е. корнем **ghei-* «сверкать» > балт.-слав.-герм. **ghoilo-* «то же» (суффиксальное образование с закономерным чередованием гласного в корне). Сложный процесс развития семантического содержания слов данного ряда можно изобразить следующим образом: *сверкающий* (= *сильно светящийся*) > *белый* > *обжигающий, горячий* > *едкий, острый, горький, терпкий, жалостливый, сильный* > *сильно, очень; резвый пышный, буйный*. В пользу такого понимания развития семантического содержания единиц данного гнезда генетически родственных слов свидетельствует наличие хотя бы следующих фактов: др.-прусс. *gaylis* «белый», литовские словосочетания *gaili rasa* «сверкающая и холодная роса», *gailiai verkia* «горько (сильно) плачет», ст.-слав. *dzělъ* «сильно; очень», др.-русс. *zělъ* «сильный», др.-чешк. *zielo* «очень» и т.п. (ср. Mažiulis, 1988 I, 312–315).

Думается, что **возникновение компонента собственных имен Gail-** обусловлено древнейшим семантическим содержанием данного корня ‘сверкать, светить’. Главным аргументом в пользу такого предположения послужили следующие соображения. Образование собственного имени необходимо воспринимать как акт многогранный, отражающий пересечение фактов языка и культуры, языка и прагматики, т.е. при анализе собственного имени необходим учет культурного и прагматического контекста. Поэтому весьма важным представляется обратить внимание на **значимость понятия ‘света – сияния’** в индоевропейском восприятии мира. Известный представитель неокантианства Э.

Кассирер (Ernst Cassirer) воспринимает человека прежде всего как *animal symbolicum* (символическое животное) вместо общепринятого определения *animal rationale* (разумное животное). Он имеет в виду способность человека создавать символы, т.е. особые единицы, суть которых представляет собой возможность замены названия одного явления знаком другого понятия. Таким образом человек создает свой символический универсум (построенный на базе языка, мифа, искусства, религии), с помощью которого интерпретирует действительность (Jacopo, 1997, 132).

Понятие 'сияния, света' уже в глубокой древности было символом 'жизни, разума, счастья'. Об этом свидетельствует тот факт, что даже название бога в целом ряде и.-е. языков персонафицирует 'свет, светящее небо, день', т.-е. представляет собой образование на базе и.-е. корня **dei(H)- / *di(H)-* «сиять, светить»; ср. лит. *diēvas*, др.-прусс. *deiwas, deiwis*, лат. *deus*, др.-инд. *devah*, др.-ирл. *dia*, др.-греч. *Ζεύς* «Зевс». «Зона Зевса характеризуется лексическим корнем **dei-* 'сиять, светить', откуда идет обозначение как 'дня' (лат. *diēs*), так и божества той части пространства и времени, где сияет солнце» (Бадер, 1988, 212). Хотелось бы обратить внимание на то, что обозначение 'дня' единицей того же гнезда наблюдается не только в латинском; ср. лит. *dienà*, др.-прусс. *deinan*, ст.-слав. *днь*, русск. *день*, др.-инд. *dín-am*, гот. *-tein-* (в слове *sin-teins* «täglich, ежедневный»). Интерес представляет тот факт, что такая культурно-мировоззренческая значимость символа 'света – сияния' наблюдается не только в индоевропейском восприятии; ср., например, отрывок евангелия по Луке: «...И спустя дней восемь после этих слов Он, взяв с Собой Петра, Иоанна и Иакова, поднялся на гору помолиться. И когда Он молился, вид Его лица стал другим, а Его одежда – **ослепительно белой**» (9: 28, 29). Здесь, видимо, следует иметь в виду, что «индоевропейское общество было лишь одним среди ряда архаичных обществ и разделяло их образ мышления, прежде чем сформировало свой собственный» (Бадер, 1988, 211). Нет сомнения в том, что такое восприятие символа 'сияние – свет', выражающего исключительно важное для человека содержание, сыграло немаловажную роль в процессе образования собственных имен (прежде всего антропонимов). Предлагаем еще пару рядов собственных имен, представляющих собой фактический материал, свидетельствующий в пользу такого предположения.

А. Собственные имена, обусловленные и.-е. корнем **dei(H)- / *di(H)-*, т.е. образованные на базе единиц, содержащих данный корень.

Гидронимы: лит. *Deimantas, Deimantālis, Deimē, Deimenà, Deininiņkas* (реки), *Diēvytis, Diērašas, Dienikēlis* (озера) (Vanagas, 1981, 83–86); др.-прусс. *Deim, Deyme* (Топоров, 1975, 317).

Антропонимы: лит. *Deĩ-mantas, Deĩ-montas, Dei-nar(āvičius), Deĩ-neris, Deĩ-noras, Diē-kontas, Diē-mentas, Diē-montas, Deĩ-gilas, Deĩ-vainas, Deĩ-vilas, Dý-buras, Dý-vilas, Deinỹs, Deivikas, Diemēnis, Diēnas, Dienỹs, Dievaitis, Diēvinas, Dievilis, Dėjus, Dėjūnas, Dinius, Dineikà, Deivỹs* (LPŽ, 1985, 480, 493–494, 500; Zinkevičius, 2008, 83–84, 308); др.-прусс. *Dey-bote, Dey-gutte, Dy-monthin, Diwil, Dywans, Dywan, Dywon* (Trautmann, 1925, 24–25); кельт. *Dēiō-tāros, Dēvi-gnāta, Dēius, Deivus, Dēvā, Dēvala, Devil, Dēvillius, Dēvios, Dīvicius, Dīvius, Dīvos, Dīvō-gēnus* (Gottes Sohn) (Holder, 1896 I, 1250–1296); фрак. *Διό-βουρος, Διό-βουρος, Dio-medes, Deos-por, Dias-cinthus, Di-gerri, Δι-γῆροι, Δι-vatoς, Δι-σopaς, Δι-σopaς, Di-tarus* (Detschew, 1957, 126); др.-русс. *Деї XVв., Деява, Дивов* (Веселовский, 1974, 94–96); белор. *Дземант, Дзямант, Дзіва, Дзівін, Дзівулінски* (Гурская, 2008 361–362); польск. *Deń, Dens, Dzień, Dzie-sław, Dzi-sław, Dziw, Dziwan, Dziwon, Dziwi-gor (Dziwo-gor), Dziwi-sław, Dziwisz, Dzie-bor, Dziejwula, Dziejek* (Słownik, 1967 I 469, 558–577; Rymut, 1991, 32); др.-инд. *Deva-datta, Deva-bhūti, Deva-śravas, Deva-garbhā, Deva-giri, Deva-dāsa, Deva-sena* (Hilka, 1910, 79–80), *Deva-gupta, Deva-ja, Deva-pāla, Deva-mitra, Deva-sūri, Deva, Devaka, Devika, Deviya, Devila, Devala* (Fick, 1874, CLXI – CLXII).

Ойконимы: лит. *Deiviai, Deivóniškiei, Dejūnai, Devėniai, Dyburiaĩ, Dievaičiaĩ, Dievėniškės, Dievógala, Dieviniai, Dyvilīškiai* (Žinynas, 1976, 59–64); др.-прусс. *Diewan* (Mažiulis, 1988 I, 210).

На основе данного перечня собственных имен возможно выделение ряда сходных по своей форме единиц, наблюдаемых в онимии нескольких языков:

- лит. *Deimantas, Deimontas*, гидроним *Deimantālis*; др.-прусс. *Dymonthin* || белор. *Дземант, Дзямонт*;
- лит. *Dyburas*, ойконим *Dyburiai* || фрак. *Διό-βουρος, Διό-βουρος* || польск. *Dzie-bor*;
- лит. *Dėjus*, ойконим *Dejūnai* || кельт. *Dēius* || др.-русс. *Деї* || польск. *Dziejek*;
- лит. *Deivilas, Dyvilas*, ойконим *Dyvil(iškiai)* || др.-прусс. *Divil* || кельт. *Devil, Dēvillius* || др.-инд. *Devila*;

- лит. ойконим *Deivon(iškiai)* || др.-прусск. *Dywan, Dywan, Dywon*, ойконим *Diewan* || польск. *Dziwan, Dziwon*;
- польск. *Dzie-sław, Dzi-sław, Dziwi-sław* || др.-инд. *Deva-sravas*;
- лит. *Dievulis* || польск. *Dzievula*.

Сходство указанных собственных имен может быть обусловлено генетическим родством, типологией онимического образования, культурно-мировоззренческими факторами (= значимостью символа 'сияния – света' в индоевропейском восприятии). Кое-где возможно простое заимствование. В некоторых случаях не исключено случайное сходство формы.

Б. Собственные имена, образованные на базе лексем, обусловленных и.-е. корнем ***leuk-** (***louk-** / ***luk-**) «светить».

Единицы гнезда родственных слов, содержащих в своем составе данный и.-е. корень, привлекают внимание своей довольно сложной и своеобразной гаммой семантического содержания: лит. *laikas* «животное, имеющее белое пятно на лбу; поле», др.-прусск. *lauxnos* «(небесные) светила – звезды», *laucks* «поле, пашня» (значение 'поле' обусловлено противопоставлением: 'затемненное место = лес' || 'освещенное место = поле'); др.-инд. *rūci* «свет, блеск», др.-греч. *λευκός* «светлый, блестящий, белый», лат. *lux* «свет», *lūcēre* «быть светлым, светить, сиять, блестеть», гот. *liuhap* «свет», ирл. *lóche* «молния», русск. *луч, луна*, польск. *luczuwo* «лучина», *luna* «заревое»; сюда же лит. *láukti* «ждать», *lūkestis* «ожидание, надежда», *lūktelėti* «немного подождать» (развитие семантического содержания: 'ждать' < 'смотреть' < 'видеть' < 'светить'), др.-прусск. *laukīt* «искать» (развитие семантического содержания: 'искать' < 'смотреть' < 'видеть' < 'светить'), *лучить, получить, случиться*, белор. *лучыць* «случиться, попасть» (развитие семантического содержания: 'метить, попадать, получать' < 'смотреть, выжидать' или же 'случиться' < 'стать видимым' < 'стать освещенным' < 'светить') (Топоров, 1990 L, 127–152, 396–401; Фасмер, 1967 II, 538; Mažiulis, 1988 I, 340, 1996 III, 48–49; Fraenkel, 1962, 345).

Предлагаем перечень собственных имен, обусловленных единицами указанного гнезда родственных слов.

Гидронимы: лит. *Laikė, Laukantė, Laukesà, Laukupė, Laukystà, Lukója, Lūkinis* реки, *Laukesas, Laukinis, Laukojys, Lukà, Lukāšius, Lukójus* (Vanagas, 1981, 183, 197–198), др.-прусск. *Laukappe, Lauken, Laukaser* (Vanagas, 1981, 183), Лукъ 1251, *Luko* 1331–1335, *Luk* (Топоров, 1990

L III, 394), лтш. *Laucesa, Laikupe*, Верхнее Поднепровье *Лучеса* (Топоров, Трубачев, 1962, 194).

Антропонимы: лит. *Laik-minas, Laik-žadas, Laiks-minas, Laiks-vydas, Laikantas, Laikas, Laikis, Laukys, Laukėlis, Laukšas, Laukūnas, Laukėnas, Lūk-manas, Lūk-monas, Lūk-minas, Lūka, Lūkas, Lukys, Lūkonas, Lūkonas, Lukšà, Lukšys* (LPŽ, 1989, 31–38, 111–116), лтш. *Louke* (Blese, 1929, 295); герм. *Liuhilt, Liu-chart* (Kaufmann, 1968, 231); кельт. *Leuc, Leucanus, Leucaro(n), Leucena, Leuci-māra, Leuconius, Louc, Louccian, Loucinus, Loucitā, Loucius, Luca, Lucc, Luccius, Lucco(n), Lucconius, Luccus* (Holder, 1896 II, 192–196, 291–297); лат. *Laucinna, Laucius, Leucena, Leucina, Leuconius, Lucanus, Luccaeius, Luccius, Lucius, Lucconius, Luccenius, Lucerus, Luxius* (Schulze, 1904, 612–613); иллир. *Λευκαρος, Leucena, Leucina* (Krahe, 1929, 143); греч. *Λευκάνωρ, Λευκ-ιπτος, Λευκό-μαντις, Λευκο-φάνης, Λευκάς, Λευκίς, Λευκίνης* (Fick, 1874, 51); др.-инд. *Ruci-kara, Ruci-datta, Ruci-deva, Ruci-nātha, Ruci-pati, Ruci* (Fick, 1874, CLXXIX); др.-прусск. *Лучанин* (Веселовский, 1974, 187), белор. *Лоўкіс, Лоўчык, Лукуць, Лукаша* (Гурская, 2008, 382), польск. *Luczuwo, Lukanus, Lukarski* (Rymut, 1991, 178).

Ойконимы: лит. *Laukeliai, Laukesà, Laukiai, Laukiūčiai, Laukintūkai, Laukminiškiai, Laiksargiai, Lauksvydai, Laikuva, Lukaičiai, Lukšiai* (Žinynas, 1976, 154–155, 165–166). В. Н. Топоров обратил внимание на то обстоятельство, что «элемент *lauck-*, обозначающий 'поле', наряду с *kaim-* 'деревня', принадлежит к самым распространенным в прусской топонимии... Прусск. {**lauk-*} находит соответствие в многих десятках и даже сотнях вост.-балт. топонимов с тем же элементом и в целом тех же типов» (Топоров, 1990, 129, 136). Речь идет об ойконимах типа др.-прусск. *Laukemedien, Medelauke, Laukosede, Dewslauks*, лит. *Mėdlaukė, Laiksodis, Laukagalai*, лтш. *Laikgaļi, Laiksargi* и т.д. В. Н. Топоров говорит о том, что «балтийские названия с этим корнем (за очень редкими исключениями или немногими примерами, проверка которых затруднена) относится именно к полю; внебалтийские продолжения **leuk-* / *louk-* чаще всего оказываются цветовыми обозначениями, не связанными с полем» (Топоров, 1990 L, 140). Такая интерпретация представляется рациональной прежде всего при анализе ойконимии указанного типа. Однако при изучении древней антропонимии не менее рациональным следует считать решение А. Фика включить ряд собственных имен, обусловленных и.-е. корнем **leuk-* «свет, сияние»,

в перечень групп праиндоевропейских личных имен (Namengruppen der indogermanischen Grundsprache) (Fick, 1874, CCVI).

Заключительные замечания

1. В ономастическом исследовании собственные имена прежде всего должны сравниваться с собственными именами. И только тогда, когда будет установлено распределение аналогичных по своей форме единиц в рамках определенного региона, будем иметь право искать соответствия в апеллятивной лексике.

2. При сравнении собственного имени с апеллятивами слова должны быть представлены во всем комплексе их значений, т. е. необходимо иметь в виду варианты их семантики в рамках целого гнезда родственных слов.

3. Идентичные по своей форме единицы в онимии могут интерпретироваться как собственные имена, содержащие в своем составе единый корень, обусловленный сложным процессом развития и взаимодействия разных апеллятивных и проприальных лексем.

4. Предполагаемый этимон основы собственных имен *Gail-* - это и.е. корень **ghei-* «сверкать» > балт.-слав.-герм. **ghoilo-* «то же» (суффиксальное образование с закономерным чередованием в корне слова).

5. Понятие «сияния, света» в древности воспринималось как символ «жизни, разума и счастья».

Литература

Бадер Ф., 1988, Области индоевропейской реконструкции. In: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XXI. – Москва: Прогресс.

Веселовский С. Б., 1974, *Ономастикон*. – Москва: Наука.

Гурская Ю. А., 2008, *Имя собственное: Этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук; на правах рукописи. – Минск.

Общее языкознание, 1973. Отв. ред. Б. А. Серебrenников. – Москва: Наука.

Откупщиков Ю. В., 1986, *К истокам слова*. – Москва: Просвещение.

Семереньи О., 1980, *Введение в сравнительное языкознание*. – Москва: Прогресс.

Скляренко О. М., Скляренко О. М., 2012, Взаємозв'язок між гідронімами та оронімами (порівняльно-ти-

пологічне зіставлення). II. *Студії з ономастики та етимології 2011–2012*. Київ: Національна Академія наук України.

Топоров В. Н., Трубачев О. Н., 1962, *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. – Москва: Наука.

Топоров В. Н., 1975, 1990, Прусский язык. *Словарь*. Т. I: A – D (1975), Т. V: L (1990). – Москва: Наука.

Фасмер М., 1967, *Этимологический словарь русского языка*, т. II. – Москва: Прогресс.

Būga K., 1958 – 1962, *Rinkiniai raštai*: 3 t. – Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.

Blese E., 1929, *Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas*. – Rīgā: A. Gulbja.

Detschew D., 1957, *Die thrakischen Sprachreste* (Schriften der Balkankommission, linguistische Abteilung, XIV). – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Fick A., 1874, *Die griechischen Personennamen*. – Göttingen: Vandenhoeck.

Förstemann E., 1856, *Altdeutsches Namenbuch: in 2 Bd.* – Bd. I. – Nordhausen: Verlag von Ferd. Förstemann.

Fraenkel E., 1962, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. – Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Hilka A., 1910, *Die altindischen Personennamen. Indische Forschungen* 3. Heft. – Breslau: herausgegeben von A. Hillebrandt.

Holder A., 1896 – 1907, *Alt-celtischer Sprachschatz: in 3 Bd.* – Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner.

Jakopozzi A., 1997, *Religijos filosofija*. – Vilnius: Aidai.

Kaufmann H., 1968, *Ergänzungsband zu Ernst Förstemann Personennamen*. – München: Wilhelm Fink Verlag.

Krahe H., 1929, *Lexikon altillyrischer Personennamen*. – Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

Krahe H., 1954, *Sprache und Vorzeit*. Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache. – Heidelberg: Quell & Meyer.

LPŽ, 1985 – 1989, *Lietuvių pavardžių žodynas*: 2 t. / A. Vanagas, V. Maciejauskienė, M. Razmukaitė. – Vilnius: Mokslas.

Mažiulis V., 1988 – 1997, *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*: 4 t. – Vilnius: Mokslas.

PV Pasaulio vietovardžiai, 2006. – Europa. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.

Rymut K., 1991, *Nazwiska polaków*. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo.

Schönfeld M., 1965, *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen*. – Heidelberg: Carl Winter.

- Schulze W., 1904, *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen.* – Berlin.
- Słownik staropolskich nazw osobowych: w 7t., 1965–1987. / red. W. Taszycki. – Wrocław – Warszawa – Kraków: Wydawnictwo polskiej Akademii nauk.
- Svoboda J., 1964, *Staročeská osobní jména a naše příjmení.* – Praha: Nakl. Českoslov. Akad. Věd.
- Trautmann R., 1925, *Die altpreussischen Personennamen.* – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Vanagas A., 1981, *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas.* – Vilnius: Mokslas.
- Zinkevičius Z., 2008, *Lietuvių asmenvardžiai.* – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Žinynas 1976. *Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas, II dalis,* / Parengė Z. Noreika ir V. Stravinskas. – Vilnius: Mintis.